

ОГОНЕКЪ

Иллюстрированное Обозрѣніе
общественной и политической жизни, наукъ и изящныхъ искусствъ
ПРИЛОЖЕНІЕ
къ „ИЛЛЮСТРИРОВАННЫМЪ БИРЖЕВЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ".

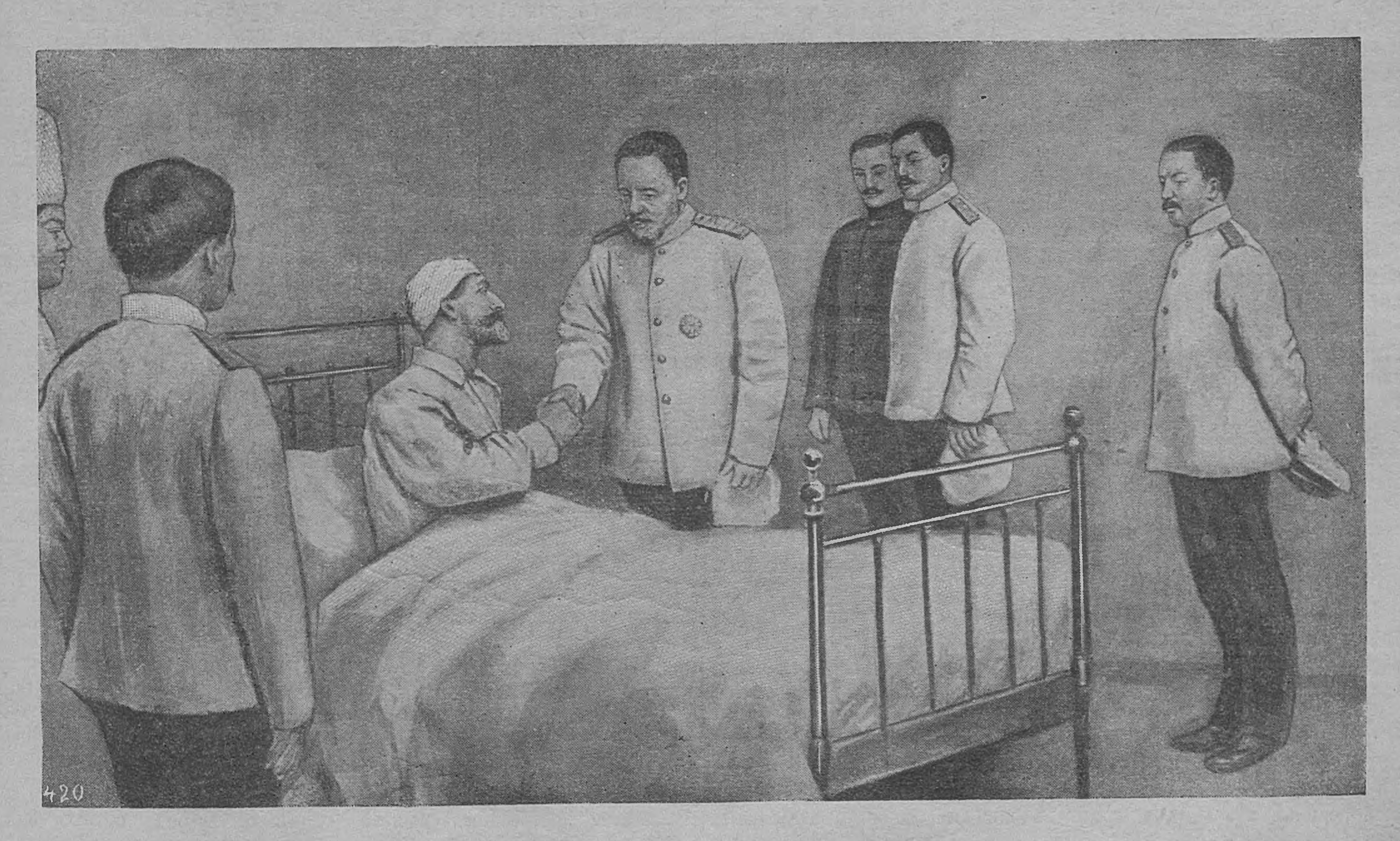
№ 29 Воскресенье, 7 (20) августа 1905 г. № 29

Русско-японская война.

Адмиралъ Того. Принцесса Фушима. Принцесса Ка..ипъ. Принцесса Коматсу. Принцесса Нашимото. Адмиралъ Камимура. Жена маршала Ойяма.

Къ празднеству въ честь адмираловъ Того и Камимуры въ Токіо.

Морской госпиталь въ Сасебо.—Адмиралъ Того у постели выздоравливающаго адмирала Рожественскаго.

Съ наброска корреспондента, автотипія „Иллюстрированныхъ Биржевыхъ Вѣдомостей".

Освобожденіе крестьянъ.

Я познаъ, что хотя свободой, какъ и всѣми благами Провидѣнія, можно злоупотреблять, однако, безъ свободы нѣтъ на землѣ ничего здороваго, нѣтъ ничего устойчиваго.

Безъ свободы нѣтъ движенія впередъ!

Гладстонъ (1890).

I.

Манифестъ 19-го февраля 1861 года объ освобожденіи крестьянъ былъ объявленъ въ Петербургѣ 5-го марта, въ „прощеное воскресенье".

Съ 9 часовъ утра телеграфъ началъ разносить въ губернскіе города:

„Про желанную свободу
„Дорогую вѣсть.

Вслѣдъ за телеграфомъ двинулись „на мѣста" вѣстники „воли".

Они везли съ собой: печатные манифесты и новое положеніе о крестьянахъ.

Русскія газеты, скованныя цензурой, почти ничѣмъ не отозвались на это величайшей важности событіе.

Генералъ - губернаторы: петербургскій, графъ Игнатьевъ, какъ и московскій, графъ Закревскій—закоренѣлые крѣпостники—со скрежетомъ зубовнымъ относились къ реформѣ.

Они заготовили для всѣхъ участковъ войска и ждали только повода, чтобы начать вразумлять пулями и картечью глупую „чернь", которая, по ихъ предположенію, отъ радости должна была „обезумѣть".

Шефъ жандармовъ князь Вас. А. Долгоруковъ и министръ юстиціи В. Н. Панинъ зорко слѣдили, чтобы ничто „не нарушило порядка".

Не только газеты, но даже освобожденный народъ не дерзалъ кричать „ура", такъ какъ соотвѣтствующаго предписанія о разрѣшеніи патріотической радости изъ участковъ преподано не было.

Оцѣпенѣніе мысли и чувствъ, прочно привитыя въ „николаевскія времена", столь любезныя нашимъ современнымъ „законнымъ террористамъ"—сковывали уста.

У лучшихъ друзей народа—писателей—душа рвалась наружу и душили слезы радости. Они кровью своей готовы было отозваться на великій день... День освобожденія.

Но красныя чернила цензоровъ и строжайшія предписанія циркуляровъ убивали и замораживали вдохновенное слово.

„Петербургскія" и „Московскія Вѣдомости" разсказывали о преніяхъ во французскомъ сенатѣ, описывали придворные балы, театры, скандалы, происшествія.

И ни слова—объ освобожденіи...

Точно манифестъ не былъ первымъ словомъ новой исторіи Россіи.

Крѣпостники позаботились сдѣлать все, что было въ ихъ силахъ, чтобы умалить значеніе событія.

II.

Но за границей русскіе изгнанники и бойцы за освобожденіе, какъ и иностранцы, восторженно привѣтствовали „Свѣтлое Воскресенье" новой Россіи.

Тургеневъ писалъ Герцену:

„Дожили до этого дня, а все не вѣрится и лихорадка колотитъ, и досада душитъ, что не на мѣстѣ"...

А Герценъ отъ лица эмигрантовъ восклицалъ...

„Если бы было возможно, мы бросили бы все и поскакали бы въ Россію. Никогда не чувствовали мы прежде, какъ тяжела жертва отсутствія!"

Кёльнская газета (Kölnische Zeitung) оцѣнила реформу, какъ актъ безпримѣрнаго значенія.

„Рѣдко или лучше никогда еще смертному не доводилось совершить дѣло столь важное и благородное, какъ то, которое совершилъ Александръ II, возвратившій однимъ почеркомъ пера 23 милліонамъ ихъ права".

Самъ творецъ событія, Государь Александръ II, сіялъ радостью исполненнаго долга.

„Сегодня — лучшій день моей жизни"—говорилъ онъ.

Никогда свита не видала его такимъ восторженнымъ, благороднымъ и счастливымъ.

III.

Даже Самодержавному Императору эта побѣда надъ крѣпостниками, цѣпко забравшими въ руки всю власть сверху до низу,—казалась значительной.

Начиная съ митрополита Филарета, министра государственныхъ имуществъ М. Н. Муравьева, гр. Панина, князя Долгорукова—до послѣднихъ чиновныхъ крючковъ, полицейскихъ сошекъ, мелкихъ помѣщиковъ — всѣ запугивали Государя, грозя народнымъ терроромъ, бунтами, революціей, разореніемъ и распаденіемъ Россіи.

Писались подметныя анонимныя письма, устраивались искусственные заговоры, ловили мнимыхъ революціонеровъ.

И все это для того, чтобы доказать, что народъ „не доросъ" до освобожденія.

Истинные друзья свободы вѣрили въ здравый смыслъ народа.

Но все же со страхомъ прислушивались къ тревожнымъ слухамъ о готовящихся безпорядкахъ.

Они могли поколебать волю Императора.

Крѣпостники это знали и потому старательно раздували каждую мелочь въ цѣлый заговоръ, а пьяный скандалъ въ начало бунта.

Наканунѣ историческаго дня 19-го февраля, когда Александръ II подписалъ простымъ гусинымъ перомъ Положеніе о крестьянахъ, журналы государственнаго совѣта и манифестъ—еще были сомнѣнія: удастся-ли реформа.

Горячая сторонница освобожденія, Великая Княгиня Елена Павловна, писала Н. А. Милютину:

„Я считаю себя обязанною предупредить васъ, что, какъ передаютъ мнѣ люди, если ничего не будетъ къ 19 февраля, чернь явится къ Зимнему Дворцу съ требованіемъ освобожденія. Нужно бы нѣсколько обратить вниманіе на эти толки: демонстрація была бы пагубна".

Козни крѣпостниковъ были такъ настойчивы, что Государь нашелъ нужнымъ лично направлять послѣдніе шаги реформы.

Проектъ Положенія занялъ у главнаго комитета болѣе 40 засѣданій, длившихся по 6 часовъ каждое.

Несмотря на настойчивость искренняго сторонника освобожденія Великаго Князя Константина Николаевича, „вложившаго душу въ это великое дѣло"—государственный секретарь, ведшій все дѣлопроизводство комитета, В. И. Бутковъ, всячески затягивалъ работы.

Онъ зналъ, что въ Россіи вся сила и власть въ канцеляріи.

И какъ человѣкъ, ставившій свою карьеру выше какой-либо реформы, онъ тормазилъ ее безконечными справками и собираніемъ матеріаловъ, пока рѣшалъ для себя: кто изъ членовъ комитета достаточно могущественъ, чтобы на него положиться и ему служить.

Въ государственномъ совѣтѣ, куда перешелъ проектъ редакціонной комиссіи—почти всѣ стояли за помѣщичьи интересы и были противъ освобожденія крестьянъ съ надѣломъ.

28-го января 1861 г. Государь лично предсѣдательствовалъ въ государственномъ совѣтѣ, очевидно, не полагаясь на энергію одряхлѣвшаго предсѣдателя (гр. Д. Н. Блудова).

Чтобы ускорить дѣло, Онъ „необычайно твердо и повелительно указалъ въ Своей рѣчи, что при обсужденіи Положенія могутъ быть допущены лишь второстепенныя поправки".

А настаивая на окончаніи работъ къ 15 февраля, добавилъ: „этого Я желаю, требую, повелѣваю".

Гр. Муравьевъ сдѣлалъ было новую попытку задержать рѣшеніе, подъ предлогомъ собиранія дополнительныхъ надѣловъ, но Государь настаивалъ, торопилъ, назначалъ на каждый день уроки.

И въ заключеніе согласился съ мнѣніемъ меньшинства государственнаго совѣта, такъ какъ большинство было противъ проекта освобожденія, составленнаго редакціонной комиссіей.

IV.

Наконецъ—свершилось. Цѣпи и сѣти рабства были разорваны навсегда.

Некрасовъ писалъ потомъ по поводу этого великаго дня:

„Знаю, на мѣсто сѣтей крѣпостныхъ
„Люди придумали много иныхъ.
„Такъ! Но распутать ихъ легче народу...
„Муза! съ надеждой привѣтствуй свободу.

А безсмертный сатирикъ-гражданинъ М. Е. Салтыковъ мѣтко изобразилъ, какъ представители власти съ кислой улыбкой встрѣчали реформу и радость народную:

— Дуракъ-Иванушка, чему ты смѣешься? Или сердце въ тебѣ взыграло? Или пахнуло на тебя свѣжимъ воздухомъ?

— Смѣйся, дурачекъ! Самъ Зубатовъ (имя отнынѣ историческое) отмѣнно радъ, что смѣешься...

Въ другое время онъ сказалъ бы тебѣ: чего ска-а-тина, ротъ до ушей дерешь? Ну, а теперь—ничего, спѣшитъ даже поскорѣе домой, чтобы отрапортовать, куда слѣдуетъ: засмѣялся, дескать!!.

Волю объявили 5-го марта въ Москвѣ и и Петербургѣ.

Почти мѣсяцъ шло это „объявленіе" воли сперва по губернскимъ городамъ, а затѣмъ—по уѣздамъ.

V.

Но народная молва обгоняла гонцовъ, привозившихъ съ собой „царскую грамоту" и вообще „бумаги".

Народная фантазія сама дорисовывала то, чего не было въ манифестѣ и Положеніи о крестьянахъ.

Не было такихъ ласкательныхъ словъ, которыя были бы достаточно сильны, чтобы выразить расходившуюся мало-по-малу народную радость о давно желанной волѣ.

„Воля—соколъ поднебесный,
„Воля—свѣтлая заря!..

Но языкъ манифеста былъ сухъ, витіеватъ и мало понятенъ.

Еще менѣе усваивали себѣ крестьяне канцелярски изложенное „Положеніе".

Никакихъ подготовительныхъ мѣръ, которыя объяснили бы народу смыслъ и суть реформы,—не было принято.

Печать была не свободна и весьма мало распространена въ деревнѣ.

Народъ—почти сплошь неграмотенъ; мѣстныя власти—невѣжественныя, продажныя и враждебныя реформѣ, такъ же, какъ и большинство помѣщиковъ.

Довѣриться было некому.

Поэтому при чтеніи „воли" было не мало недоразумѣній, споровъ, вздора, кончавшихся иногда даже присылкой воинскихъ командъ и кровью...

VI.

Якушкинъ рисуетъ одинъ изъ такихъ „споровъ" о томъ, что будто-бы барскіе сады и амбары „слѣдуютъ" теперь крестьянамъ:

— Такъ нѣтъ такого мѣста во всей книгѣ, (Положеніи) говоришь ты?

— Нѣту!

— Дай же я тебѣ покажу!—И съ этими словами собесѣдникъ поднесъ Положеніе, сталъ перевертывать листы и нашелъ послѣднюю страницу манифеста по клейму, приложенному вмѣсто печати: (мужики были неграмотны).

— На, читай эту страницу.

— Я сталъ читать... „Дабы вниманіе не было отвлечено отъ нихъ необходимыхъ земледѣльческихъ занятій"...

— Читай еще! Читай еще! Тутъ! тутъ оно!

— Читай!—радостно заговорили въ толпѣ.—Тутъ оно сказано.

— „Пусть они тщательно воздѣлываютъ землю"...

— Это мѣсто! Это мѣсто! Читай! читай!

— „...И собираютъ плоды ея"...

— Ну что?—спросилъ съ торжествомъ мужикъ.

— А что?

— Да что ты прочиталъ?

— Прочиталъ: чтобы вы хорошенько работали землю и собирали тогда...

— Плоды!

— Ну да: будешь хорошо пахать, посѣешь рожь—рожь и родится; вотъ тебѣ и плоды...

— Нѣть, Павелъ Иванычъ! Посѣешь рожь—рожь и родится, а плодовъ все-таки не будетъ. Плоды въ садахъ, а сады то барскіе: а какъ плоды—намъ, стало—и сады къ намъ отойдутъ! Вотъ что!

— Пустое, братцы, болтаете! здѣсь не такъ сказано...

— Читай, читай еще!

— „...Чтобы потомъ изъ хорошо пополненной житницы взять сѣмена для посѣва на землю"...

— Ну, а это что?

— А это—вотъ, что: будете хорошо работать, будутъ у васъ житницы полныя, вы и берите сѣмена...

— Ишь куда! Не туда, баринъ, прешь!.. Какія у насъ житницы?! Амбаришки! Куда тутъ житницы! Амбаришки!.. А то—полныя житницы?—заговорили въ толпѣ.

Вотъ, какую „смуту" поселила эта кудревато-витіеватая рѣчь канцелярской поэзіи.

Пошли толки, что „господа мутятъ" и настоящую царскую грамату „утаиваютъ"...

Вмѣстѣ съ волей родилась, какъ извѣстно, дума и о землѣ, о всей землѣ, о „Божьей землѣ", которая не должна принадлежать никому, чтобы всѣ, „кто осилитъ", ею пользовались...

VII.

Во многія деревни, по канцелярской небрежности (чего, молъ, съ мужичьемъ церемониться), вмѣсто полныхъ положеній, попали нѣсколько экземпляровъ однихъ и тѣхъ же листовъ, или совсѣмъ другія правила.

Въ Орловской губерніи, напримѣръ, раздавали въ одной деревнѣ несшитую тетрадь „Правилъ о людяхъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости въ Бессарабской губерніи".

Въ другой—„Дополнительныя правила о приписныхъ къ частнымъ горнымъ заводамъ".

И такихъ „ошибокъ", невольныхъ или злого умысла—было множество.

— У насъ, что за воля!—говорили Якушкину крестьяне.—У насъ воля 87 листовъ, а вотъ графскимъ привезли на 193 листахъ!!.

Въ Симбирскѣ былъ прочитанъ манифестъ, а раздавали съ паперти выдержки изъ „правилъ о порядкѣ введенія въ дѣйствіе Положенія 19 февраля".

Въ выдержкахъ, между прочимъ, была указана, въ числѣ облегченій, отмѣна сборовъ въ пользу помѣщиковъ: птицею, баранами, масломъ, яйцами, грибами, холстомъ, сукномъ, пряжею, шерстью и т. д.

Это дало поводъ думать, что объявлена пока лишь „бабья воля".

А настоящая „мужицкая воля", какъ то было „много разъ", будто-бы скрыта помѣщиками.

Крестьяне не могли понять, какъ царь могъ подумать о курахъ, да о холстахъ, а о настоящей волѣ и о землѣ—ни слова...

VIII.

Флигель-адъютанты, развозившіе „волю" и запечатанные „пакеты" для врученія крестьянамъ и помѣщикамъ, обычно, страшно спѣшили.

И не тратили времени на какія-либо объясненія.

Поэтому, при сплошной неграмотности и малопонятности „грамотъ", въ деревняхъ появились „толкователи" воли.

Тѣ изъ нихъ, которые „хорошо толковали", т. е. объясняли все непонятное въ пользу крестьянъ, пользовались широкой извѣстностью.

Полиція вздумала ихъ забирать.

Это еще болѣе увеличило довѣріе къ такимъ „толкователямъ" и подозрѣніе, что „начальство заодно съ господами и скрываетъ что-то".

Кое гдѣ это разочарованіе волей и недоразумѣнія перешли въ открытые бунты и сопротивленія властямъ.

Напримѣръ, раскольничій начетчикъ Алексѣй Петровъ смутилъ своими „толкованіями" три уѣзда Рязанской губерніи.

Онъ нашелъ „настоящую волю" и объявилъ, что начальство вмѣстѣ съ помѣщиками прячетъ ее.

Никакія опроверженія духовенства и властей не помогли. А выдать Петрова крестьяне наотрѣзъ отказались.

Была вызвана военная команда.

Петрова крестьяне заперли въ избу, а сами встали вокругъ на колѣняхъ.

Ужасная сцена!

Послѣ обычнаго барабаннаго боя раздалось роковое „пли".

И трупы крестьянъ (убито 55 и ранено 71), покрывшіе землю, доказали „подлинность" грамоты.

То же было въ Пензенской губерніи, д. Кандеевкѣ.

Крестьянамъ „растолковали", что они должны „отбывать барщину", пока не выйдутъ на выкупъ.

Толкователь, Леонтій Егорцевъ, объявилъ крестьянамъ, что „чистая воля" — безъ барщины и оброка.

Нѣсколько священниковъ тоже подтвердили, что на баръ „не указано работать".

Усмирять прибылъ генералъ Дренякинъ, который передъ образомъ клялся, что толкуетъ „волю" правильно.

Но ему не повѣрили.

Крестьяне выдержали три залпа войскъ и не дрогнули, твердо отстаивая „волю", а можетъ быть надѣясь пробудить жалость.

Было арестовано 410 бунтовщиковъ изъ оставшихся въ живыхъ и 114 наказано тутъ же шпицрутенами, розгами и сослано затѣмъ на каторгу.

Комиссару барону Корфу удалось въ Малороссіи прекратить безмолвный бунтъ трехъ „громадъ", благодаря находчивости.

Онъ велѣлъ арестовать бабъ и ребятъ.

И крестьяне, не испугавшіеся вооруженныхъ солдатъ, покорились изъ боязни лишиться женъ и дѣтей.

IX.

Было не мало и такихъ „бунтовъ", которые существовали только въ воображеніи чиновниковъ, желавшихъ выдвинуть свое служебное рвеніе по ихъ, якобы, подавленію, или — напуганныхъ помѣщиковъ, которымъ трудно было свыкнуться съ „своеволіемъ" бывшихъ крѣпостныхъ Палашекъ, Ванекъ и Антипокъ.

„При томъ полномъ затишьѣ, какое царствуетъ въ нашихъ деревняхъ,—писалъ Салтыковъ,—всякое слово взвѣшивается пудами, всякій вершокъ кажется съ аршинъ, особливо въ такомъ бойкомъ дѣлѣ, какъ освобожденіе крестьянъ.

Какая-нибудь ключница Мавра донесетъ барынѣ, что дядя Корней, лежа на печи, приговаривалъ: „мы-ста, да вы—ста", вотъ уже и злоупотребленіе!

Какой-нибудь староста Акимъ подольстится къ барынѣ, что у насъ-де, сударыня, Ванька-скотъ давеча на всю сходку оралъ: „а пойдемъ-ка, братцы, къ барынѣ, пускай она намъ водки поднесетъ",—вотъ уже и бунтъ!

И барыня Падейкова пишетъ туда, пишетъ сюда, на весь околодокъ визжитъ, что честь ея поругана, что права ея попраны.

И вмѣсто того, чтобы унять ее, ей вторитъ цѣлое воинство, и Ванька-скотъ летитъ въ становую квартиру, а дядя Корней записывается въ книжечку, какъ будущій зачинщикъ и подстрекатель".

Приходили также сами крестьяне къ помѣщикамъ съ требованіемъ работы (безплатной, конечно), чтобы соблюсти „сипацы" (эмансипацію) и отбыть „трехдневку".

— Ненужно мнѣ вашей работы,—отговаривался простодушный помѣщикъ.

— Нельзя этого сдѣлать; это дѣло не твое, это—казна.

И они настаивали на трудѣ, вычитавъ въ Положеніи, что они должны, до выхода на выкупъ, отбывать три дня барщины, боясь, какъ бы „хуже не вышло".

Бывали случаи, что за такое настойчивое навязываніе труда, т. е. выполненіе по своему пониманію закона, ихъ сѣкли.

Сѣкли за отстаиваніе и другихъ своихъ правъ, сажали въ холодную, въ острогъ, штрафовали и т. д.

А старость, избавленныхъ по закону отъ тѣлесныхъ наказаній, исправники и становые выдѣляли и вмѣсто розогъ давали „таску" или взбучку.

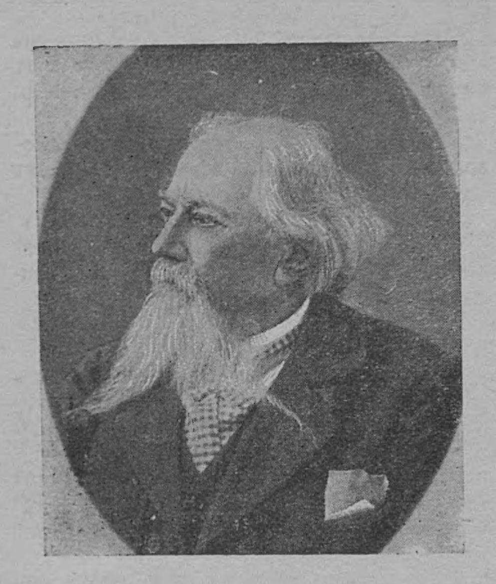
— Ужъ возилъ же онъ его, возилъ,—разсказывали крестьяне, да замѣсто тѣлеснаго наказанія еще въ острогъ посадилъ...

Сбивчивость понятія о своихъ правахъ была общая.

И этимъ пользовались всѣ, кто хотѣлъ: полиція, помѣщики, кулаки...

17-го апрѣля 1861 г. Государь велѣлъ выбить медаль со Своимъ изображеніемъ и подписью: „Благодарю".

Медаль эта раздавалась всѣмъ — и Великому Князю Константину Николаевичу, не отходившему отъ реформы съ самаго начала вплоть до закрытія въ 1882 году главнаго комитета о сельскомъ состояніи, состоявшаго подъ его предсѣдательствомъ,

Извѣстный писатель
А. М. Жемчужниковъ.

и гр. Муравьеву, кн. Долгорукову, гр. Закревскому, гр. Игнатьеву, губернаторамъ, исправникамъ и становымъ, сдѣлавшимъ все отъ нихъ зависящее, чтобы помѣшать освобожденію и умалить его значеніе.

X.

Черезъ 6 лѣтъ исполнится полъ-столѣтія со дня освобожденія.

Многія общественныя учрежденія готовятся къ юбилею, чтобы увѣковѣчить этотъ великій день достойными памятниками, въ видѣ новыхъ учебныхъ заведеній, пріютовъ, богадѣленъ и т. д.

„Дню вчерашнему забвенье.
„Дню грядущему привѣтъ"
—давно пропѣли поэты.

Прошла свѣтлая заря освобожденія, давшая Россіи гласный судъ присяжныхъ, выборныхъ мировыхъ судей, земскія и городскія учрежденія, новый университетскій уставъ и всеобщую воинскую повинность.

Наступила реакція, длившаяся четверть вѣка, съ небывалымъ расцвѣтомъ приказнаго строя и полицейскаго произвола.

Даже воспоминанія и ссылки на великую эпоху освобожденія считались доказательствомъ несомнѣнной неблагонамѣренности.

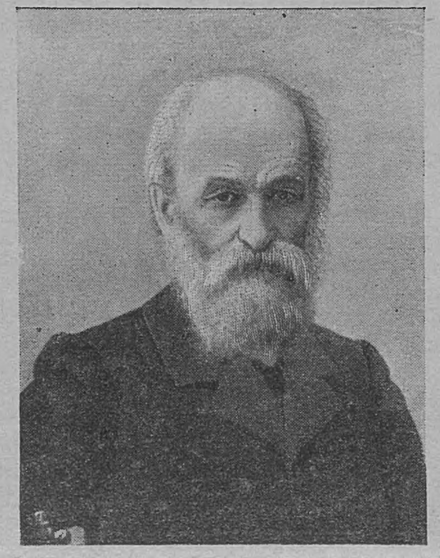
Мы дожили до новой зари освобожденія. Уже не одного сословія, а всѣхъ, и во имя естественныхъ правъ человѣка и гражданина.

В. Анзимiровъ.

Душа японскаго народа.

Иностранная литературная критика отзывается въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ о книгѣ Лафкадіо Гирна „Кокоро". „Кокоро"--японское слово, означающее „сердце"; въ переносномъ смыслѣ оно же можетъ означать „чувство", „духъ", „мужество", „рѣшимость", „склонность", „внутреннее значеніе". Нѣмецкій переводчикъ этой интересной книги передалъ ея заглавіе многообѣщающими словами: „сердце вещей". Книга, дѣйствительно, говоритъ о сущности многихъ вещей, незнакомыхъ европейцамъ, и въ совокупности своей даетъ довольно полное представленіе о „душѣ японскаго народа",—отсутствіе пониманія которой привело насъ къ столь неожиданной и злополучной войнѣ.

Извѣстный ученый и общественный дѣятель
П. Ф. Лесгафтъ.

Лафкадіо Гирнъ скончался въ Токіо осенью истекшаго года. Судьба его, какъ человѣка и писателя, была весьма своеобразна. Онъ родился въ 1850 г., въ Греціи, отъ англійскихъ родителей и получилъ образованіе въ Англіи. Много лѣтъ тому назадъ, послѣ ряда неудачъ и смѣны нѣсколькихъ профессій Лафкадіо Гирнъ переселился въ Японію, гдѣ настолько увлекся оригинальною культурой японскаго народа, что перешелъ въ японское подданство. Онъ женился на японкѣ, принялъ имя Концуми Якумо и, вскорѣ послѣ того, былъ назначенъ профессоромъ англійскаго языка и литературы въ токійскомъ университетѣ.

Н. А. Бѣлелюбскій,
проф. института инженеровъ путей сообщенія.

Лафкадіо Гирнъ, обладая выдающимся литературнымъ дарованіемъ, издалъ на англійскомъ языкѣ рядъ сочиненій, посвященныхъ Японіи. Очерки японскаго быта, въ видѣ беллетристическихъ набросковъ, несмотря на яркій талантъ автора и новизну содержанія, въ теченіе продолжительнаго времени не имѣли особеннаго успѣха даже въ самой Англіи. Русско-японская война заставила обратить вниманіе на книги этого знатока островной имперіи Дальняго Востока. Наиболѣе авторитетные лондонскіе критики признали единогласно, что Лафкадіо Гирнъ обладаетъ первокласснымъ художественнымъ дарованіемъ, превосходя изобразительностью прославленнаго Киплинга.

Въ качествѣ изслѣдователя японскаго быта, онъ проникновенно воспринимаетъ самыя затаенныя чувствованія японской народной

Извѣстный писатель
В. В. Вересаевъ.

А. И. Купринъ,
извѣстный писатель.

Н. А. Оппель,
гласный с.-петербургской думы.

Русскіе общественные дѣятели.

Портъ-Артуръ въ дни осады.—Портъ-артурская вольная дружина.

Съ фотографіи корреспондента, автотипія „Иллюстрированныхъ Биржевыхъ Вѣдомостей".

души и воплощаетъ ихъ въ законченные поэтическіе образы.

Литературный критикъ вѣнской газеты „Neues Wiener Journal" вполнѣ соглашается съ такою оцѣнкою таланта Лафкадіо Гирна.

„Такое сужденіе относительно Лафкадіо Гирна,—говоритъ онъ,—не внушено англійскимъ національнымъ самомнѣніемъ. На весь образованный міръ произвели глубокое впечатлѣніе сочиненія этой геніальной поэтической души".

Подобно тому, какъ Лафкадіо Гирнъ перемѣнилъ свое европейское имя на японское, и душа его испытала такое же перевоплощеніе.

Могилевскій архіепископъ, митрополитъ всѣхъ римско-католическихъ церквей въ Россіи, графъ Георгій Шембекъ, † 2?-го іюля 1905 г.

Этика Гирна проникнута созерцательною мудростью и кротостью буддизма. Въ его сознаніи замѣчательно гармонично сочетались міросозерцанія Запада и Востока. Это своеобразное сочетаніе придаетъ его произведеніямъ необычайную привлекательность.

Очерки и наброски, собранные въ „Кокоро" ближе знакомятъ съ особенностями японской народной души, чѣмъ любая многотомная исторія японской культуры.

Чтобы дать представленіе о талантѣ Лафкадіо Гирна, приводимъ, по переводу цитируемаго журнала, одинъ изъ очерковъ подъ названіемъ „На желѣзнодорожной станціи".

„Вчера,—разсказываетъ авторъ,—сообщили телеграммою изъ Фукуока, что тамъ задержанъ уголовный преступникъ, котораго съ сегодняшнимъ вечернимъ поѣздомъ привезутъ казнить въ Кумамото. Для охраны осужденнаго послали полицейскихъ.

Къ событіямъ въ Марокко.—Предварительная проба семидесяти двухъ блюдъ, приготовленныхъ для придворнаго обѣда въ честь иностранныхъ посланниковъ, въ Фецѣ.

Съ рисунка Г. Вудвиля, автотипія „Иллюстрированныхъ Биржевыхъ Вѣдомостей".

Четыре года тому назадъ, дерзкій воръ проникъ ночью въ одинъ изъ домовъ на улицѣ Борцовъ, ошеломилъ и перевязалъ жильцовъ и исчезъ, захвативъ множество драгоцѣнностей.

Полиціи, благодаря изумительному чутью сыщиковъ, удалось задержать грабителя ранѣе истеченія сутокъ со времени совершенія кражи; воръ не успѣлъ даже припрятать похищенное.

Однако, на пути въ тюрьму, арестантъ какъ-то высвободилъ свои руки. Съ быстротою молніи выхватилъ онъ саблю у конвировавшаго его полицейскаго, нанесъ несчастному смертельный ударъ и скрылся бѣгствомъ. Затѣмъ, по нынѣшнюю недѣлю, о немъ не было никакихъ извѣстій.

Нѣсколько дней тому назадъ, одинъ полицейскій агентъ случайно посѣтилъ тюрьму въ Фукуока. Попавъ въ рабочее отдѣленіе, онъ обратилъ вниманіе на лицо одного изъ заключенныхъ. Оно показалось ему знакомымъ. Около четырехъ лѣтъ тому назадъ эти черты врѣзались въ его память.

— Кто такой этотъ человѣкъ?—спросилъ полицейскій чиновникъ.

— Воръ,—отвѣтилъ ему начальникъ тюрьмы.—Онъ отбываетъ наказаніе подъ именемъ Кусабе.

Полицейскій подошелъ вплотную къ арестанту и сказалъ ему:

— Васъ зовутъ не Кусабе! Номура Тейхи, вы обвиняетесь въ убійствѣ, которое совершили въ Кумамото.

Преступникъ, не видя возможности уклониться отъ правосудія, сознался въ своемъ преступленіи.

Я отправился съ большою толпою народа на вокзалъ, чтобы присутствовать при прибытіи осужденнаго. Я ожидалъ, что мнѣ придется быть очевидцемъ взрыва народнаго негодованія; я опасался, что толпа проявитъ свое раздраженіе даже насильственными дѣйствіями.

Убитый пользовался любовью населенія, его родственники, несомнѣнно, присоединятся къ возбужденному народу,—а народная толпа въ Кумамото не принадлежитъ къ числу особенно кроткихъ. Я полагалъ, что встрѣчу у вокзала многочисленный полицейскій отрядъ, но предположенія мои оказались ошибочными.

Когда поѣздъ остановился, произошла обычная послѣ прибытія шумная суматоха. Множество пассажировъ суетились на станціи, спѣша пройти мимо другъ друга; возгласы ихъ покрывались криками разносчиковъ, предлагавшихъ газеты и кумамотскій лимонадъ.

Мы прождали около пяти минутъ за перилами. Затѣмъ появился арестантъ, сопровождаемый конвойнымъ. Коренастая, дюжая фигура убійцы производила непріятное впечатлѣніе. Онъ шелъ, опустивъ голову; руки его были связаны за спиною.

Арестантъ и конвойный остановились возлѣ дверей. Все смолкло. Вдругъ полицейскій воскликнулъ громкимъ, отчетливымъ голосомъ:

— Сугихура Санъ! Сугихура О-киби! Здѣсь-ли она?

Хрупкая, небольшая женщина, стоявшая возлѣ меня съ ребенкомъ за спиною, отвѣтила: „Хаи!“ — и выступила на нѣсколько шаговъ изъ толпы.

Это была вдова убитаго; ребенокъ за ея спиною былъ его малолѣтнимъ сыномъ.

По знаку, поданному полицейскимъ, толпа отступила, оставивъ свободное мѣсто вокругъ арестанта и его конвоя. Тутъ же осталась вдова со своимъ мальчикомъ. Она всматривалась въ лицо убійцы.

Господствовала мертвая тишина.

Полицейскій агентъ обратился не къ женщинѣ, а къ ея ребенку; онъ говорилъ негромко, но такъ отчетливо, что я могъ понять каждое слово:

— Дитя, вотъ человѣкъ, который убилъ твоего отца. Ты еще не родился тогда; ты еще покоился въ материнскомъ лонѣ. Этотъ человѣкъ лишилъ тебя отцовской любви. Всмотрись въ него,—тутъ конвойный дернулъ арестанта за подбородокъ и заставилъ его поднять лицо,— хорошенько вглядись въ него, малютка, не бойся. Это, конечно, очень тягостно,—но такова твоя обязанность. Посмотри на него!

Мальчикъ смотрѣлъ изъ за плечъ своей матери широко раскрытыми глазами, точно охваченный испугомъ. Ребенокъ началъ всхлипывать, затѣмъ изъ глазъ его хлынули слезы, но послушно не отводилъ своего взора отъ подергивающагося лица арестанта.

Толпа, казалось, оцѣпенѣла.

Я увидѣлъ, какъ исказилось лицо убійцы. Онъ бросился вдругъ, несмотря на свои кандалы, на колѣни, ударился головой о землю и воскликнулъ дрожащимъ отъ раскаянія и душевной муки голосомъ, потрясшимъ сердца всѣхъ присутствующихъ:

— Прости меня, дитя, прости меня! Я сдѣлалъ это не по злобѣ; это произошло отъ страха, изъ желанія спастись отъ наказанія. Я ужасно, ужасно погрѣшилъ противъ тебя, но теперь я искуплю свое преступленіе. Меня ожидаетъ смерть. Я хочу умереть, я умираю охотно, но, малютка, будь милосерденъ, прости меня!

Дитя продолжало безмолвно плакать. Конвойный поднялъ рыдающаго преступника съ земли. Онѣмѣвшая толпа разступилась, чтобы пропустить его. Вдругъ среди нея раздались рыданія; вся толпа стала плакать. И когда загорѣлый конвойный приблизился ко мнѣ, я увидѣлъ—чего никогда еще не видѣлъ, что рѣдко кому приводилось видѣть, чего я, вѣроятно, никогда больше не увижу—я увидѣлъ слезы на глазахъ японскаго полицейскаго агента.

Толпа разсѣялась. Я остался одинъ въ глубокомъ раздумьѣ относительно своеобразнаго нравственнаго значенія только что пережитаго зрѣлища. Здѣсь осуществилось примѣненіе безпощаднаго, но проникнутаго чувствомъ сострадапія правосудія, уясняющаго преступнику его вину посредствомъ потрясающаго созерцанія естественныхъ послѣдствій караемаго проступка. Здѣсь проявилось исполненное отчаянія раскаяніе, молящее передъ смертью лишь объ отпущеніи грѣха. Здѣсь, наконецъ, я видѣлъ народную толпу, быть можетъ, наиболѣе грозную во всей имперіи, когда ее раздражаютъ,—и этотъ народъ обнаружилъ глубокое пониманіе происходящаго, чуткую отзывчивость къ чужому страданію. Разскаяніе и душевное сокрушеніе преступника удовлетворили не чувство слѣпой жажды отомщенія; эта толпа была охвачена скорбью при видѣ неизбѣжнаго на землѣ грѣха, содрогнулась до самой глубины своего нравственнаго существа, невольно постигнувъ всю тяжесть жизненнаго бремени и всю слабость человѣческой природы.

Наиболѣе достопримѣчательно и характерно для Дальняго Востока въ этомъ эпизодѣ то обстоятельство, что голосъ совѣсти былъ пробужденъ въ преступникѣ посредствомъ обращенія къ его отцовскому чувству,—къ той потенціальной любви къ дѣтямъ, которая столь глубоко коренится въ душѣ каждаго японца.

Объ извѣстномъ разбойникѣ, Ишикава Гоемонѣ, разсказываютъ, что, ворвавшись ночью въ одинъ домъ, онъ былъ такъ очарованъ смѣхомъ ребенка, протягивавшаго къ нему свои ручки, что совершенно забылъ свой преступный умыселъ. Пока онъ игралъ съ ребенкомъ, удобный моментъ для грабежа былъ пропущенъ.

Исторія эта не представляется невѣроятной. Полицейскіе отчеты ежегодно свидѣтельствуютъ, что закоренѣлые преступники нерѣдко проявляютъ состраданіе къ малолѣтнимъ дѣтямъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, мѣстныя газеты извѣстили объ ужасномъ случаѣ поголовнаго истребленія всѣхъ обитателей одного дома. Семеро людей, застигнутыхъ во время сна, были буквально изрублены въ куски. Полиція нашла, однако, среди лужи крови, оставшагося невредимымъ и кричавшаго отъ испуга ребенка. Убійцѣ, какъ было доказано слѣдствіемъ, пришлось приложить чрезвычайную осторожность, чтобы не причинить вреда ребенку.

Приведенный выше разсказъ освѣщаетъ лишь одно свойство японской народной души. Въ книгѣ „Кокоро“, наряду съ такими очерками японскаго народнаго быта, помѣщены обстоятельныя изслѣдованія вѣяній и направленій, проявившихся за послѣдніе тридцать лѣтъ среди японской интеллигенціи. Главы эти уясняютъ поразительный, можно сказать, небывалый въ исторіи переворотъ въ японской культурѣ, выдвинувшій имперію микадо на одно изъ видныхъ мѣстъ среди вліятельныхъ державъ современнаго цивилизованнаго міра.

Каэлъ.

Населеніе Марокко.

Конфликтъ между Франціей и Германіей, возникшій на почвѣ соперничества изъ-за преобладающаго вліянія въ Марокко, обратилъ вниманіе иностранной прессы на это малоизвѣстное европейской читающей публикѣ африканское государство.

„Mouvement Géographique“ считаетъ населеніе Марокко состоящимъ изъ берберовъ, арабовъ, мавровъ, евреевъ, негровъ и европейцевъ. Туземнаго еврея легко отличить по внѣшнему виду отъ негра или европейца. Несравненно труднѣе уловить различіе между берберами, арабами и маврами. Племенныя наименованія эти соотвѣтствуютъ, преимущественно, особенностямъ нравовъ, языка и т. п., вовсе не свидѣтельствуя объ этнографическомъ различіи.

Съ точки зрѣнія антропологіи и энтомологіи, марокскій султанатъ разсматривается, какъ продолженіе Алжира, отъ котораго не отличается и своимъ геологическимъ строеніемъ.

Аборигены въ Марокко никогда не были вытѣсняемы пришельцами; донынѣ три самыхъ большихъ группы берберовъ (риффаны, бераберы, клейги) составляютъ около 5.200,000 человѣкъ, т.-е. больше половины всего населенія Марокко. Карѳагенцы заняли лишь незначительную часть побережья; римляне, въ своемъ стремленіи къ югу, не доходили до Феца. Арабы, проникнувъ въ среду берберовъ, стали сливаться съ ними, утрачивая свои племенныя особенности. Въ настоящее время насчитывается въ султанатѣ, кромѣ берберовъ,—1.200,000 мавровъ, 1.000,000 арабовъ, 200,000 евреевъ, 150,000 негровъ и 15,000 европейцевъ. Густота населенія опредѣляется числомъ девятнадцати жителей на квадратный километръ. Различныя наименованія (берберы, бераберы, риффаны, кабилы, клейги, гаратины) обозначаютъ, соотвѣтственно мѣстности, одинъ и тотъ же народъ, называемый національнымъ именемъ „амазиги“ или „имациру“.

Бытъ марокскихъ берберовъ во многихъ отношеніяхъ сходенъ съ нравами туземцевъ

Алжира. Аборигены султаната обладаютъ крѣпкимъ тѣлосложеніемъ и трудолюбивы; любовь къ независимости понуждаетъ ихъ удаляться отъ морскихъ береговъ и населенныхъ центровъ. Они селятся охотнѣе всего въ гористой части страны. Происхожденіе ихъ не выяснено съ достаточною опредѣленностью. Ни римлянамъ и карфагенцамъ, ни вандаламъ и готамъ не удалось подчинить ихъ своей власти. Среди рифеановъ встрѣчается много бѣлокурыхъ, въ среднемъ и южномъ Марокко—больше черноволосыхъ, но, въ общемъ, смѣшеніе столь велико, что съ увѣренностью отличить бербера отъ араба невозможно. Жителей Марокко можно раздѣлить по языку: на говорящихъ по-арабски или берберійски, на кочевниковъ или осѣдлыхъ, на обитателей горъ или низменностей; можно также разграничить болѣе или менѣе многочисленныя группы по исповѣданіямъ Корана. Но раздѣленіе на арабовъ и берберовъ—произвольно, такъ какъ не имѣетъ никакого научнаго обоснованія.

Мавры живутъ по городамъ Марокко. Большая часть ихъ происходитъ отъ мавровъ, изгнанныхъ изъ Испаніи. Кромѣ того, многіе изъ нихъ произошли отъ браковъ съ арабами, берберами, обращенными въ магометанство евреями и ренегатами изъ христіанъ. Мавры отличаются чистотою нравовъ, умственнымъ развитіемъ и работоспособностью; они составляютъ вліятельную буржуазію страны. Изъ среды ея вышли многіе высшіе сановники и основатели крупныхъ торговыхъ фирмъ.

Мароккскіе евреи, обитающіе въ южной части султаната, ведутъ свое происхожденіе отъ племенъ, поселившихся здѣсь еще до разрушенія Іерусалима. Такъ же давно живутъ въ Марокко евреи-земледѣльцы, переселившіеся въ Магадоръ и въ нагорныя области султаната.

Всѣ мароккскіе евреи говорятъ только поарабски. Евреевъ, переселившихся въ Марокко въ 1242 г. изъ Италіи, въ 1350 г. изъ Нидерландовъ, въ 1407 г. изъ Франціи и Англіи, въ 1476 г. изъ Португаліи и въ 1494 г. изъ Испаніи, туземные единовѣрцы называютъ „forasteros" (друзья). Они говорятъ по-испански и, частью, по-французски; пребывая преимущественно въ приморскихъ портовыхъ городахъ, они ведутъ обширные торговые обороты и служатъ переводчиками.

Мароккскіе негры ведутъ свое просхожденіе изъ Судана; въ султанатѣ ихъ больше, чѣмъ въ Алжирѣ.

Большая часть ихъ состояла прежде въ рабствѣ. Привозъ черныхъ невольниковъ караванами, съ тѣхъ поръ какъ французы заняли Суданъ, представляетъ теперь очень рѣдкое явленіе. Тѣмъ не менѣе рабство донынѣ продолжаетъ процвѣтать въ Марокко. Во внутреннихъ городахъ невольниковъ продаютъ открыто на рынкахъ, причемъ цѣна на живой товаръ весьма различна. Молодая негритянка продается за 200 рублей старую трудно продать за десять. Позорный торгъ существуетъ, несмотря на усилія многихъ обществъ уничтожить рабство въ Марокко.

Большинство европейцевъ живетъ въ гаваняхъ и въ столицѣ Фецъ. Главный контингентъ составляютъ испанцы; кромѣ того, здѣсь представлены французы, англичане, нѣмцы, американцы, португальцы, итальянцы, австрійцы, греки, швейцарцы, бельгійцы, шведы и датчане.

П. С.

Одичалый французъ.

На-дняхъ судъ присяжныхъ въ Пуатье закончилъ обсужденіе громкаго процесса охотника за хищными животными, Руа, который выстрѣлилъ изъ мести въ своего сосѣда Гранпье и почти лишилъ его зрѣнія.

Дальнѣйшія перипетіи этого преступленія, совершеннаго въ Юссо, получили огласку по всему міру.

Когда жандармы пришли арестовать преступника, они нашли двери его дома закрытыми. Одиннадцать дней выдерживалъ Руа осаду въ своемъ „фортѣ", сопротивляясь натиску жандармовъ и отряда пѣхоты. Пришлось, наконецъ, прибѣгнуть къ помощи артиллеріи. Часть дома была разрушена, и Руа бѣжалъ изъ него. Его захватили на сосѣднемъ полѣ. Во время осады одичалый французъ ранилъ одного жандарма и одного сержанта.

Передъ присяжными предсталъ семидесятилѣтній бодрый старикъ. Стройный, высокаго роста, онъ, повидимому, сохранилъ всю энергію своей молодости. Подъ внѣшнею культурною оболочкой бьется сердце истаго дикаря, не знающаго удержа своимъ страстямъ и влеченіямъ. Злопамятный, мстительный, Руа кажется живымъ анахронизмомъ среди современнаго буржуазнаго общества, подвергнувшаго его суду своихъ заурядныхъ представителей.

Процессъ, во всякомъ случаѣ, обнаружилъ съ полною очевидностью, что Руа совершилъ свое преступленіе подъ вліяніемъ плохо приспособленнаго къ нынѣшнимъ общественнымъ условіямъ темперамента, а не движимый какими-либо низменными или корыстными побужденіями.

Предсѣдатель суда присяжныхъ пытался объяснить дѣйствія своеобразн го подсудимаго—стремленіемъ къ рекламѣ.

— Ваше сопротивленіе, обратился онъ къ Руа,—явилось оскорбленіемъ для государственной власти и магистратуры. Вы какъ будто отодвинули насъ вспять, къ доисторическимъ временамъ всеобщаго хаоса, къ господству варварства, войны всѣхъ противъ всѣхъ. И все это было затѣяно лишь для рекламы, для того, чтобы поразить Францію и весь міръ.

Подсудимый, явно не оправдывающій своими простыми, ясными отвѣтами столь хитроумныхъ догадокъ, объясняетъ свой образъ дѣйствій менѣе сложно.

Онъ сказалъ себѣ: я не дамся въ руки жандармамъ! И эти слова положили на него обязательство выполнить ихъ: онъ какъ бы далъ самому себѣ честное слово, которое принужденъ былъ выполнить.

Предсѣдатель. Вы питали къ Гранпье неутолимую ненависть?

Руа. Я не любилъ его.

Подсудимый произноситъ эти слова, не возвышая голоса, почти улыбаясь.

Предсѣдатель. Что же вы хотѣли сдѣлать съ нимъ?

Подсудимый. Я хотѣлъ всадить ему зарядъ въ ногу, чтобы наказать его за глупости, которыя онъ со мной продѣлалъ.

Предсѣдатель. И вы два года затаивали въ себѣ злобный умыселъ отомстить своему сосѣду?

Руа. Къ сожалѣнію, онъ не попадался мнѣ ранѣе подъ выстрѣлъ! Если бы гораздо ранѣе выдался подходящій случай, я не преминулъ бы воспользоваться имъ.

Предсѣдатель. Вы дѣйствовали, значитъ, предумышленно, съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ. А 4-го мая?

Руа. Четвертаго мая я выстрѣлилъ въ него.

Предсѣдатель. И какъ же вы стрѣляли?

Руа. Я выстрѣлилъ, вотъ и все.

Предсѣдатель. Въ голову?

Руа. Я цѣлился въ поясъ.

Предсѣдатель. (*Съ угрожающею настойчивостью*).—Въ голову, въ голову, въ голову!

Руа. Я старался не затронуть шедшую возлѣ него дочь. Я цѣлился, какъ можно лучше.

Предсѣдатель. Вы не постыдились подвергнуть опасности и другую человѣческую жизнь?

Руа. Я былъ увѣренъ, что не промахнусь.

Предсѣдатель. Это неправда!

Руа. Я доказалъ это на дѣлѣ.

Предсѣдатель. Повторяю вамъ,—вы имѣли намѣреніе совершить убійство.

Руа. Я знаю лучше, какія у меня были намѣренія.

Затѣмъ допросъ коснулся менѣе драматическаго эпизода—осады.

Предсѣдатель. Вы приготовили предварительно запасы. У васъ было вооруженіе, двѣ винтовки, палка со шпагой, одна сабля (*смѣхъ*), пули, патроны, одинъ револьверъ...

Руа (*поправляя*). Два револьвера.

Предсѣдатель. Вы запаслись провіантомъ и книгою законовъ.

Руа. У меня было нѣсколько книгъ съ законами. (*Смѣхъ*).

Предсѣдатель. Вы должны были, слѣдовательно, знать, что первою обязанностью каждаго гражданина является уважительное отношеніе къ жизни ближняго. Столь же строго требуетъ законъ, чтобы всѣ подчинялись предписаніямъ властей и судебнымъ распоряженіямъ.

Руа. Я много разъ читалъ законы объ уголовныхъ наказаніяхъ, но не нашелъ въ нихъ ничего подобнаго. (*Смѣхъ*).

Предсѣдатель. Вы рѣшились оказать сопротивленіе не только общественнымъ властямъ, но и вооруженной силѣ. Вы поступили точно мы живемъ во времена варварства. Такого скандала еще никогда не бывало.

Руа. Я не понимаю, о чемъ вы говорите.

Предсѣдатель повторилъ свои слова.

Руа. Я сдѣлалъ это, чтобы защитить себя.

Предсѣдатель. Нѣтъ, вы любили рекламу. Васъ радовало, что весь міръ будетъ вами интересоваться.

Руа. Въ дѣйствительности, оказалось, что всѣ приходили посмотрѣть на меня.

Предсѣдатель. Вы писали въ газетахъ?

Руа. Да, обо мнѣ сообщали выдумки. Я хотѣлъ, чтобы всѣ знали правду.

Во время допроса выяснилось, что Руа, несмотря на осаждавшую его домъ цѣлую армію, иногда отлучался изъ своего „форта". Однажды онъ провелъ всю ночь въ лѣсу.

Предсѣдатель. Зачѣмъ же вы вернулись къ себѣ?

Руа. Потому, что я проголодался.

Свидѣтели показали, что Руа не пользовался расположеніемъ окрестнаго населенія. Гнѣвъ его по отношенію къ пострадавшему Гранпье былъ вызванъ совершенно неосновательнымъ подозрѣніемъ, будто послѣдній донесъ, что Руа занимался браконьерствомъ.

Прокуроръ произнесъ продолжительную рѣчь, въ которой обвинялъ подсудимаго въ цѣлой коллекціи преступленій, во главѣ списка которыхъ стояли предумышленное покушеніе на убійство и вооруженное сопротивленіе властямъ. Онъ требовалъ смертнаго приговора.

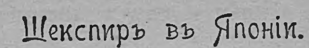
Руа, пока говорилъ прокуроръ, сидѣлъ совершенно неподвижно. Зато во время рѣчи защитника имъ овладѣло сильное волненіе. На глазахъ его выступили слезы.

Присяжные засѣдатели признали семидесятилѣтняго подсудимаго виновнымъ. Судъ приговорилъ его къ смертной казни.

Очевидная несостоятельность такого приговора побудила присяжныхъ подписать прошеніе о помилованіи одичалаго старика, повидимому, не отдающаго себѣ отчета въ значеніи своихъ дѣйствій.

В. Р.

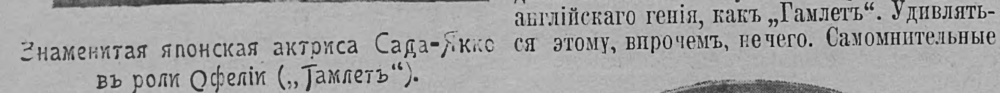

Шекспиръ въ Японіи.

Когда, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Сада-Якко, которую небезосновательно прозвали японскою Дузе, гастролировала со своею труппою по Европѣ, японскіе артисты выступали на сценѣ въ національныхъ костюмахъ и играли исключительно японскія пьесы. Репертуаръ этотъ былъ проникнутъ наивнымъ драматизмомъ, не носившимъ и слѣда вліянія западнаго театральнаго искусства.

Представленія японской труппы, какъ явленіе необычайно своеобразное, возбудило большой интересъ и въ Россіи. Немало, конечно, содѣйствалъ успѣху спектаклей огромный природный талантъ Сада-Якко, ея удивительная мимика и чрезвычайная искренность ея сценической передачи.

Въ настоящее время переимчивые островитяне Дальняго Востока обратили вниманіе на произведенія величайшихъ европейскихъ драматурговъ. Не желая, однако, поступиться своими національными особенностями, они приспособляютъ заимствуемыя пьесы къ японскимъ нравамъ. Этотъ принципъ, совершенно ложный въ своей основѣ, они примѣняютъ даже къ такимъ глубокимъ произведеніямъ англійскаго генія, какъ „Гамлетъ". Удивляться этому, впрочемъ, нечего. Самомнительные французы въ восемнадцатомъ вѣкѣ также находили, что Шекспиръ — слишкомъ грубъ для парижской публики и не стѣснялись „припомаживать" пьесы геніальнѣйшаго изъ драматурговъ.

Знаменитая японская актриса Сада-Якко въ роли Офеліи („Гамлетъ").

Японскій актеръ Асажиро Фуджишава въ роли Гамлета.

„Гамлетъ" на японской сценѣ превратился изъ датскаго принца—въ японскаго студента. Его переименовали въ Тошимару Хамура и заставили слушать лекціи въ японскомъ университетѣ, въ Кіото. Тамъ же обучается и другъ Гамлета, Гораціо. Тошимару Хамура—тоже княжескаго происхожденія и, по замыслу желтолицаго автора передѣлки „Гамлета", долженъ изображать романтическаго представителя современнаго японскаго дворянства.

Полоній превращенъ въ сторонника послѣдняго князя Хамуры, а дочь его, Офелія, переименована въ Орійю.

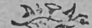
Князь Хамура посылаетъ японскаго Гамлета въ Сибирь и Манчжурію; герой трагедіи возвращается изъ путешествія, потерпѣвъ кораблекрушеніе. Дальнѣйшій ходъ событій изложенъ по Шекспиру.

Сцена изъ „Гамлета" на японской сценѣ. Яго и Біанка.

Тѣнь отца Гамлета, какъ представлено на нашемъ снимкѣ, щеголяетъ въ японскомъ генеральскомъ мундирѣ со звѣздою Восходящаго Солнца.

Гастролирующая нынѣ въ Америкѣ труппа знаменитой Сада-Якко, какъ сообщаетъ иностранная пресса, исполняетъ въ такомъ видѣ „Гамлета" съ выдающимся успѣхомъ. Такъ же японизированъ ею и венеціанскій мавръ „Отелло". Перелицованный шекспировскій ревнивецъ превратился въ генералъ-маіора Ваширу, военнаго губернатора острова Формозы: Дездемона сдѣлана дочерью графа Фура, казначея микадо.

Въ своемъ завоевательномъ стремленіи на Западъ японцы не щадятъ и Шекспира.

Японскій актеръ, исполняющій роль Полонія въ „Гамлетѣ".

Тѣнь отца Гамлета въ современномъ японскомъ мундирѣ.

Сада-Якко въ роли Дездемоны („Отелло").

Шекспиръ въ Японіи.

Типографія „БИРЖЕВЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ" (С. М. Проппера), Спб., Мѣщанская, № 25. Редакторъ издатель „Иллюстрированныхъ Бирж. Вѣдом." С. М. Пропперъ.